

ОРЕНБУРГСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 НОЯБРЯ.

№ 22.

1905 Г О Д А.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Русское духовенство въ изображеніи современныхъ беллетристовъ.

(Продолженіе).

Отъ крѣпостническаго наслѣдія, выразившагося въ нашемъ духовенствѣ въ формѣ робости, приниженности, заботности и заискиванія, перейдемъ къ дефектамъ другого рода. Въ числѣ этихъ послѣднихъ съ особенною силою подчеркивается алкоголизмъ нашего сословія. На этотъ недостатокъ нашего сословія, какъ особо бросающійся въ глаза, указываютъ порой и сами представители высшей церковной іерархіи. Но этотъ порокъ общерусскій, а не одного нашего сословія, и если сравнивать его съ другими сословіями, то придется согласиться съ мнѣніемъ Чехова, что всё хороши въ этомъ отношеніи: и духовные и не духовные. Чеховъ такъ именно рѣшаетъ данный вопросъ и съ этой точки зрѣнія рисуетъ намъ различныхъ представителей русскаго общества въ разсказѣ «У предводительши».

Вдова бывшаго уѣзднаго предводителя Трифона Львовича Завязтова—Любовь Петровна ежегодно, перваго февраля, въ день св. мученика Трифона, служить по усопшемъ имениникѣ панихиду, а послѣ панихиды—благодарственное молебствіе. На панихиду къ Любови Петровнѣ съѣзжается весь уѣздъ: теперешній предводитель Хрумовъ, предсѣдатель земской управы Марфуткинъ, непремѣнный членъ Потрашковъ, оба участковые мировые, исправникъ Кринолиновъ, два становыхъ, земскій врачъ Дворягинъ, пахнуцій іодоформомъ, всё помѣщики, большіе и малые и проч. Всего набирается человѣкъ около пятидесяти. Во время панихиды гости настраиваются на меланхолическій ладъ и задумываются. «Припоминается покойный Завязтовъ, плотный, краснощекій, выпивавшій залпомъ бутылку шампанскаго и разбивавшій лбомъ зеркало». По окончаніи панихиды и потомъ молебна, гости приглашаются къ столу позавтракать. Завтракъ до того роскошенъ, что дьяконъ Конкордіевъ ежегодно, при взглядѣ на него, считаетъ своею обязанностью развести руками, покачать головой въ изумленіи и сказать:

— Сверхъестественно! Это, отецъ Евменій, не столько похоже на пищу человѣковъ, сколько на жертвы, приносимыя богамъ.

Завтракъ, дѣйствительно, необыкновененъ. На столѣ есть все, что только могутъ дать флора и фауна, сверхъестественнаго же въ немъ развѣ только одно: на столѣ есть все, кромѣ спиртныхъ напитковъ. «Любовь Петровна дала обѣтъ не держать въ домѣ картъ и спиртныхъ напитковъ,—двухъ вещей, погубившихъ ея мужа. И на столѣ стоятъ только бутылки съ уксусомъ и масломъ, словно на смѣхъ и въ наказаніе завтракающимъ, всплошную состоящимъ изъ отчаянныхъ пропойць и выпивохъ». Таково было общество, ежегодно собиравшееся поминать подобнаго же себѣ сподвижника, покойнаго предводителя. Немудрено, что для подобнаго общества завтракъ безъ спиртныхъ напитковъ долженъ былъ казаться сверхъестественнымъ. Но многолѣтній опытъ умудрилъ, какъ побѣдить такую сверхъестественность.

— Кушайте, господа! — приглашаетъ предводительша, — только, извините, водки у меня нѣтъ... Не держу...

«Гости приближаются къ столу и не рѣшительно приступаютъ къ пирогу. Но ѣда не клеится. Въ тыканьи вилками, въ рѣзаніи, въ жеваніи видна какая-то лѣнь, апатія... Видимо чего-то не хватаетъ».

— Чувствую, словно потерялъ что-то... — шепчетъ одинъ мировой другому. — Такое же чувство было у меня, когда жена съ инженеромъ бѣжала... Не могу ѣсть!

«Марфуткинъ, прежде чѣмъ начать ѣсть, долго роется въ кармавахъ и ищетъ носовой платокъ. «Да! вѣдь платокъ въ шубѣ! А я то ищу», — вспоминаетъ онъ громогласно и идетъ въ переднюю, гдѣ повѣшены шубы.

«Изъ передней возвращается онъ съ масляными глазками и тотчасъ же аппетитно набрасывается на пирогъ.

— Что, небось, противно въ сухомятку трескаться? — шепчетъ онъ отцу Евменію. — Ступай, батя, въ переднюю, тамъ у меня въ шубѣ бутылка есть... Только смотри, поосторожнѣй, бутылкой не звякни!

Отецъ Евменій вспоминаетъ, что ему нужно приказать что-то Лукѣ, и семенить въ переднюю.

— Батюшка! два слова... по секрету!—догоняетъ его Дворягинъ.

— А какую я себѣ шубу купилъ, господа, по случаю! хвастаетъ Хрумовъ: стоитъ тысячу, а я даль... вы не повѣрите... двѣсти пятьдесятъ! Только!

«Во всякое другое время гости встрѣтили бы это извѣстіе равнодушно, но теперь они выражаютъ удивленіе и не вѣрятъ. Въ концѣ-концовъ все валяютъ толпой въ переднюю глядѣть на шубу, и глядятъ до тѣхъ поръ, пока докторскій Микешка не выноситъ тайкомъ изъ передней пяти пустыхъ бутылокъ... Когда подаютъ разварного осетра, Марфуткинъ вспоминаетъ, что онъ забылъ свой портсигаръ въ сѣняхъ и идетъ въ конюшню. Чтобы одному не скучно было идти, онъ беретъ съ собою діакона, которому кстатѣ же нужно поглядѣть на лошадь...»

Такъ находчиво и такъ занято однимъ уѣзднымъ обществомъ побѣждалась сверхъестественность завтрака одной наивной предводительши. Изъ ея письма къ старинной петербургской подругѣ мы узнаемъ еще и частности, которыя характеризуютъ нѣкоторыхъ участниковъ этого завтрака безъ горячихъ напитковъ. Любовь Петровна пишетъ своей подругѣ: «Угостила я ихъ на славу, но, конечно, какъ и въ тѣ годы, горячихъ напитковъ—ни капли. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ умеръ отъ излишества, я дала себѣ клятву водворить въ нашемъ уѣздѣ трезвость и этимъ самымъ искупить его грѣхи. Проповѣдь трезвости я начала со своего дома. Отецъ Евменій въ восторгѣ отъ моей задачи и помогаетъ мнѣ словомъ и дѣломъ. Ахъ та ссере, еслибы ты знала, какъ любятъ меня мои медвѣди!»

Изъ письма видно, какъ эти медвѣди обошли трезвенность предсѣдательши: «Предсѣдатель земской управы Марфуткинъ послѣ завтрака приналъ къ моей рукѣ, долго держалъ ее у своихъ губъ и, смѣшно замотавъ головой, заплакалъ: много чувства, но нѣтъ силъ!» Отецъ Евменій подсѣлъ къ предводительшѣ и, слезливо глядя на нее, лепеталъ долго что-то, какъ дитя. «Я,—пишетъ Любовь Петровна,—не поняла его словъ, но понять искреннее чувство я умѣю». Исправникъ становился передъ предводительшей на колѣни, хо-

тѣль прочесть стихи своего сочиненія, но... не хватило силъ. . покачнулся и упалъ... Съ нимъ сдѣлалась истерика... «Можешь представить мой восторгъ: председатель мирового съѣзда Ала-лыкинъ, человѣкъ полный и апоплексическій, почувствовалъ себя дурно и пролежалъ на диванѣ въ безсознательномъ со-стояніи два часа. Пришлось отливать его водой»...

Прямой и совершенно ясный выводъ изъ этого разсказа таковъ: пьянство—это недугъ всего нашего русскаго обще-ства, а вовсе не одного только духовенства. Что же касается того обстоятельства, что на духовенство наше указывается не рѣдко, какъ на классъ пьющій будто бы болѣе другихъ, то въ этомъ указаніи нѣтъ фактическаго основанія.

Конечно, какъ въ другихъ классахъ общества, такъ и въ нашемъ духовномъ сословіи есть экземпляры выдающихся ал-коголиковъ. Но является вопросъ? Страсть этихъ людей къ вину свидѣтельствуешь ли объ ихъ полномъ нравственномъ крушеніи или, можетъ быть, они, эти павшіе люди, далеко еще не все хорошее утратили и способны порой подняться на такую нравственную высоту и ясность мысли, отъ кото-рой кружится голова у самыхъ примѣрныхъ трезвенниковъ. Идеальный епископъ—викарій въ разсказѣ Гусева-Оренбург-скаго—«Могила» вотъ что говоритъ по адресу хорошо из-вѣстныхъ ему алкоголиковъ изъ духовной среды.

— «Я вамъ даже такъ скажу, батюшка,— говорилъ онъ,— миѣ гораздо милѣе ослабѣвшіе, павшіе священники... эти люди въ старенькихъ подрясникахъ и съ дрожащими руками... точ-но Мармеладовъ у Достоевскаго! Быть можетъ, имъ тоже не-куда идти! Они близки миѣ! Они ближе миѣ, понятнѣе, чѣмъ тѣ... другіе... упитанные, гордые, своей ложной мудростью лицемѣрные учителя, у которыхъ слово расходится съ дѣломъ такъ же далеко, какъ мракъ со свѣтомъ. Ибо тѣ обладаютъ здоровымъ, но холоднымъ сердцемъ, способнымъ мириться со зломъ и пошлостью, сознательно или безсознательно... все равно... вина равноцѣнна! Небесъ нѣтъ въ душѣ ихъ! А эти... жалкіе... заблудшіе... падшіе... подчасъ потерявшіе образъ че-ловѣческой... предметъ насмѣшекъ... бѣдныя дѣти, для кото-рыхъ не по силамъ оказалось вѣковое наслѣдство историче-скихъ и кастовыхъ традицій, живой укоръ всей нашей воспи-

тательной общественной системѣ, отжившей, но еще крѣпкой, какъ ржавыя оковы».

Глазами этого епископа глядѣть на алкоголиковъ среди духовенства и аристократъ мысли Чеховъ. Точно такую же разницу усматриваетъ и онъ между упитанными и уравновѣшенными іереями—съ одной стороны и павшими--съ другой. Подобно любвеобильному архипастырю и тонко-чувствительное сердце нашего писателя на сторонѣ тоже ослабѣвшихъ и павшихъ священниковъ, среди которыхъ онъ, не смотря на ихъ паденіе, открываетъ порой болѣе «человѣческаго», чѣмъ среди тѣхъ, которые, повидимому, никогда не падали, не теряли духовнаго равновѣсія, сумѣли оставаться постоянными на высотѣ своего призванія. Но это обстоятельство ничуть не умиляетъ автора, какъ не умиляло оно и сердце слишкомъ чуткаго викарія.

Есть у Чехова рассказъ—«Письмо». Содержаніе этого рассказа такое. На первомъ мѣстѣ рассказа выступаетъ декоративная фигура благочиннаго о. Ѳедора Орлова. «Благочинный о. Ѳедоръ Орловъ, благообразный, хорошо упитанный мужчина, лѣтъ пятидесяти, какъ всегда, важный и строгій, съ привычнымъ, никогда не зходящимъ съ лица выраженіемъ достоинства»... А подлѣ него—совершенно иная фигура, гость его, отецъ Анастасій. «Это былъ старикъ 65 лѣтъ, дряхлый не по лѣтамъ, костлявый и сутуловатый, съ старчески-темнымъ, исхудалымъ лицомъ, съ красными вѣками и длинной узкой, какъ у рыбы, спиной; одѣтъ онъ былъ въ щегольскую свѣтло-лиловую, но слишкомъ просторную для него рясу (подаренную ему вдовою одного недавно умершаго молодого священника), въ суконный кафтанъ съ широкимъ кожанымъ поясомъ и въ неуклюжіе сапоги, размѣръ и цвѣтъ которыхъ ясно показывалъ, что о. Анастасій обходился безъ калошъ. Не смотря на санъ и почтенные годы, что-то желкенькое забитое и униженное выражали его красные, мутноватые глаза, сѣдя съ зеленымъ отливомъ косички на затылкѣ, большія лопатки на тощей спинѣ... Онъ молчалъ, не двигался и кашлялъ съ такою осторожностью, какъ будто боялся, чтобы отъ звуковъ кашля его присутствіе не стало замѣтнѣе». Такъ тяжело пригнетаетъ къ землѣ несчастная судьба о. Анастасія:

на старости лѣтъ онъ состоитъ подъ слѣдствіемъ и запрещень въ священнослуженіи. За нимъ числилось много грѣховъ онъ велъ нетрезвую жизнь, не ладилъ съ причтомъ и міромъ небрежно велъ метрическія записи и отчетность—въ этомъ его обвиняли формально, но кромѣ того носились слухи, что онъ вѣнчалъ за деньги недозволенные браки и продавалъ прѣзжавшимъ къ нему изъ города чиновникамъ и офицерамъ свидѣтельства о бытіи у исповѣди. Подобные слухи держались тѣмъ упорнѣе, что о. Анастасій былъ бѣденъ и имѣлъ девять человѣкъ дѣтей. Дѣти вышли такими же неудачниками, какъ и самъ ихъ отецъ. Сыновья были необразованы, избалованы и ничего не дѣлали, а некрасивыя дочери не выходили за мужъ. Такимъ образомъ вся эта семейка сидѣла на шеѣ своего престарѣлаго родителя. Таковы были обстоятельства личной жизни о. Анастасія въ данный моментъ, когда онъ за нѣсколько часовъ до начала пасхальной утрени сидитъ въ углу, за круглымъ столикомъ въ квартирѣ благочиннаго. Хозяину было не до гостя, присутствіе котораго возбуждало въ хозяинѣ чувство похожее на ненависть. Отецъ Анастасій все это отлично видѣлъ, но не хотѣлъ однако уходить.

«Значить, вы нынче не поѣдете къ себѣ домой?—

— Домой?—встрепенулся о. Анастасій, осторожно кашлянулъ и сказалъ скороговоркой: Богъ съ нимъ! Не поѣду, Ѳедоръ Ильичъ! Сами знаете, служить мнѣ нельзя, такъ что же я тамъ буду дѣлать? Нарочито я уѣхалъ, чтобъ людямъ въ глаза не глядѣть. Сами знаете, совѣстно не служить.

— Такъ...—зѣвнулъ благочинный».

Но при всемъ своемъ равнодушіи къ чужой бѣдѣ, къ чужому горю и о. Ѳедоръ проникается подъ конецъ чувствомъ состраданія къ своему несчастному гостю. Поборовши самого себя, о. Анастасій рѣшается наконецъ уйти и дать утомленному человѣку покой. Вотъ ужъ и поднялся о. Анастасій, чтобы уйти, «но прежде чѣмъ начать прощаться, онъ минуту откашливался и пытливо, все съ тѣмъ же выраженіемъ неопредѣленнаго ожиданія во всей фигурѣ, глядѣлъ на спину благочиннаго; на лицѣ его заиграли стыдъ, робость и жалкій, принужденный смѣхъ, какимъ смѣются люди, не уважающіе

себя. Какъ-то рѣшительно махнувъ рукой, онъ сказалъ съ сильнымъ дребезжащимъ смѣхомъ:

Отецъ Ѳедоръ, продлите вашу милость до конца, велите на прощанье дать мнѣ... рюмочку водочки!

Не время теперь пить водку, — строго сказалъ благочинный: стыдъ надо имѣть.

Отецъ Анастасій еще больше сконфузился, засмѣялся и, забывъ про свое рѣшеніе уходить домой, опустился на стулъ. Благочинный взглянулъ на его растерянное, сконфуженное лицо, на согнутое тѣло, и ему стало жаль старика.

Богъ дастъ завтра выпьемъ, — сказалъ онъ, желая смягчить свой строгій отказъ. — Все хорошо во время.

«Старикъ казался уже о. Ѳедору не виновнымъ и не порочнымъ, а униженнымъ, оскорбленнымъ, несчастнымъ; вспомнилъ благочинный его попадю, девять человѣкъ дѣтей, грязныя вишенскія полаты у Зявкина (постоялый дворъ, гдѣ останавливался о. Анастасій), вспомнилъ почему-то *тысячъ людей, которые рады видѣть пьяныхъ священниковъ*»...

Только-что сказанныя, подчеркнутыя нами слова Чехова заключаютъ въ себѣ очень цѣнное и глубоковѣрное наблюденіе. Если автору этихъ словъ, человѣку свѣтскому, пришлось вынести такое наблюденіе изъ жизни, то особенно тяжело и часто приходилось и доселѣ приходится считаться съ нимъ самому духовенству. Люди такъ или иначе взявшіе въ свои руки бѣлое, чистое знамя извѣстныхъ высокихъ идеаловъ нравственности и не находящіе порой достаточно силъ въ себѣ для проведенія этихъ идеаловъ въ жизнь и въ силу жизненныхъ невзгодъ и въ силу собственныхъ несовершенствъ падающіе подъ тяжесть поднятой ноши, обращаютъ на себя особое вниманіе толпы, вотъ почему всякій недостатокъ духовнаго сословія, а особенно пьянство подчеркивается у насъ съ одной стороны людьми враждебно настроенными въ отношеніи духовенства — съ чувствомъ злорадства, съ другой людьми высоко-гуманными — съ чувствомъ искренней, горячей боли за человѣка вообще и за пастыря въ особенности.

Такъ дѣлится наше общество на двѣ половины въ своемъ

отношеніи къ недостаткамъ и порокамъ другихъ и духовенства — въ частности.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. Кровскій.